

ИСИХАЗМ И РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ XIV–XV ВЕКОВ

Аннотация: Статья содержит некоторые результаты изучения с позиции православного универсализма важнейших страниц истории Русского Возрождения XIV–XV вв. Раскрывается значение монашеских обителей Святой Руси как важнейших центров подъема духовной жизни и культуры русского средневековья.

Представлен опыт обобщения исследовательских поисков по теме, овладение которой позволяет дать ответы на актуальные вопросы о судьбах Православной цивилизации и культуры.

Ключевые слова: *Святая Русь, Византия, исихазм, Фаворский свет, старчество, духовное окормление, базовые ценности, обожение, Ренессанс.*

Цитирование: *Кузахметов Р.К.* Исихазм и Русское Возрождение XIV–XV веков // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 1 (22). С. 38–48.

Сведения об авторе: Кузахметов Рафаэль Каюмович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: kuzahmetov.rafael@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.12.2021

Принята к публикации 07.02.2022

«Через жизнь, страдания, смерть и Воскресение Господь Иисус Христос, Сын Божий, воплотившийся, исцеляет человеческий грех, искупляет человеческую вину пред Богом и восстанавливает реальную, живую связь между Богом и человеком. И делает это не человек, такой силы не имеющий, а Сам Бог, Который передает людям Свой Божественный Дух, Свою благодать, Свою энергию», – подчеркнуто в одном из первосвятительских слов Святейшего Патриарха Кирилла.

Человек, живущий во Христе, будучи образом и подобием Божиим, способен воспринимать Божественный Свет и быть его носителем. В своих созидательных трудах он призывает Господа в помощь, и его творческие деяния оплодотворяются силой благодати Божией.

Так на пути соединения Божественного и человеческого начал осуществляется подлинное творчество.

Исихастское учение о преображении человека и обожении есть, в сущности, учение о творческом процессе как синергии, то есть сотворчестве Бога и человека, в создании вечных ценностей и нетленной культуры.

Основа паламитских споров, по определению Г.М. Прохорова, – конфликт противоположных направлений в духовной жизни и культуре «внецерковно, в конечном счете, направленного гуманизма и церковно-персоналистского исихазма» [6, с. 641]. Если византийские гуманисты стимулировали итальянский Ренессанс, то византийские исихасты стимулировали Русское Возрождение.

В трудах академика Д.С. Лихачева убедительно показано воздействие исихазма на развитие древнерусской литературы, иконописи и фресковой живописи. Вывод Д.С. Лихачева: «Византийское и Русское предвозрождение связано с исихазмом» [5, с. 137]. При этом предвозрождение определяется как «первая ступень, еще не освобожденная от господства религии», к секуляризованному Ренессансу западного типа.

Православный взгляд на реалии того времени приводит к иному выводу: XIV–XV века – это эпоха Православного Возрождения на Руси, явившегося антитезой западноевропейского гуманистического Ренессанса.

Православное Возрождение и западный Ренессанс – два полюса с различными духовными и культурными ориентациями.

Откровение о спасенном и Богом возлюбленном человечестве предстает пред нами во многих произведениях культуры эпохи Русского Возрождения XIV–XV веков, которое было естественным

продолжением и развитием никогда не угасавшей на Руси исихастской традиции. Исихазм пустил глубокие корни в русскую духовную почву еще в XI столетии, во времена митрополита Иллариона и расцвета, основанного по благословению афонских старцев Киево-Печерского монастыря, откуда ученики преподобного Антония, расходясь по Руси и создавая новые обители, распространяли исихастскую традицию, обогащенную опытом русского иночества.

Основопологающий процесс Русского Возрождения – создание русскими монахами-исихастами «Северной Фиваиды». Именно монастырям и монашеству принадлежит бесценная роль в формировании и укреплении ценностных основ Русской цивилизации, на которых строилась духовная и культурная жизнь Руси в эпоху «золотого века русской святости».

Глубокое духовное родство объединяет сложившуюся в XIV веке традицию преподобного Сергия Радонежского и течение афонских исихастов.

Преподобный Сергий, по словам священника Павла Флоренского, «прикоснулся к наиболее огнистой вершине греческого средневековья, в которой как в точке были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух; – этой вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко возгоревшаяся вновь во времена преподобного» [12, с. 277].

В эпоху возрождения русского монашества получило развитие соработничество круга преподобного Сергия Радонежского и монахов-паламитов Афона и Константинополя.

Введение общего жития в Троицкой обители получило поддержку константинопольского Патриарха – исихаста Филофея, прошедшего школу подвижнической жизни на Афоне. Троицкий монастырь стал образцом для общежительных обителей, главным проводником киновияльной реформы русского монашества и монастырской колонизации Севера и Северо-востока страны в XIV–XVI вв. Созданная русскими монахами-исихастами «Север-

ная Фиваида» символизирует достижение Русской цивилизацией пика зрелости и расцвета.

Значение роста киновийных монастырей раскрывается в словах отца Павла Флоренского: «Общежительство знаменует всегда духовный подъем: таковым было начало христианства. Начало Киевской Руси было также ознаменовано введением общежития, центр какового возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после Крещения Руси; и начало Руси Московской, опять-таки приобщившейся к новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития по совету и с благословения умирающей Византии» [10, с. 286].

Важная роль в развитии духовных связей с Афоном принадлежит ряду ближайших учеников и сподвижников преподобного Сергия Радонежского. Преподобный Сергей Нуромский пришел в Троицкий монастырь со Святой Горы. Посредником в изучении опыта афонского монашества был побывавший в монастырях Святой Горы монах-книжник Елифаний Премудрый. Наиболее значительный вклад в установление духовных контактов с паламитами Афона внес преподобный Афанасий, первый игумен Высоцкого монастыря в Серпухове.

Одним из главных центров органического соединения традиций афонских исихастов и монашества Московской Руси явился Спасо-Каменный монастырь. Сюда, на Кубенское озеро в вологодских лесах, в XIV столетии пришли монахи из афонских монастырей. Из них наиболее известен иноческими подвигами был Дионисий Святогорец. Его ученик преподобный Дионисий Глушицкий создал три монастыря, давших в следующем столетии множество обителей.

Объединение усилий преподобного Дионисия Глушицкого и Кирилла Белозерского в строительстве Святой Руси – один из символов слияния традиции преподобного Сергия Радонежского с опытом афонского исихазма.

Великий духовный подъем «золотого века русской святости» обеспечил широкое монастырское движение в русской истории XIV–XVI веков. Монашеские обители той эпохи стали важнейшими центрами цивилизационного роста и хранителями цивилизационного опыта.

«Игумен Земли Русской» и его сподвижники помогли преодолеть тернистый путь утверждения на Русской митрополии святителю Киприану, выдающемуся афонскому исихасту.

Плодотворное сотрудничество последнего с русским монашеством подтверждается сохранившейся перепиской его с преподобным Сергием Радонежским.

Роль митрополита Киприана в укреплении духовных основ государственности и культуры Руси раскрывается на основе комплексного анализа источников в трудах отечественных исследователей протоиерея Иоанна (Экономцева), М.Н. Тихомирова, Л.А. Дмитриева, Г.М. Прохорова.

Святитель Киприан последовательно утверждал единство Русской Церкви – главной силы, обеспечивающей цивилизационную целостность Руси. Он укрепил Москву как духовную столицу русских земель и достойную наследницу Царьграда. Благодаря его усилиям в 1395 году в Москву была принесена Владимирская икона Божией Матери для защиты от Тамерлана. Митрополит Киприан утвердил совершение богослужения в Русской церкви по константинопольскому уставу, дополнил русскую Постную триодь синаксарем, раскрывавшим учение святителя Григория Паламы. «Завещание» Киприана – один из памятников русской духовности, имеющих афонские корни.

Труды и подвиги монашества Святой Горы Афон и Святой Руси определили духовные основы русской культуры, ее ценности и традиции.

«Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии, – указывал отец Павел Флоренский. – В преподобного Сергия как в воспринимающее око

собираются в один фокус достижения греческого средневековья... разошедшиеся в Византии и там разбившиеся, – что и повело к гибели культуры тут, – в полнोजизненном сердце юного народа они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности, и из нее от преподобного Сергия многообразные струи культурной влаги текут как из нового центра объединения, напоивая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение» [10, с. 277].

«Культурные ценности Православной цивилизации создавались вокруг святынь – сверхкультурных ценностей. Вокруг литургии, соединяющей вечный и тварный миры, сложился синтез подлинных искусств, включающих человека в духовное освоение вечности» [4, с. 643].

В работах искусствоведов Н.К. Голейзовского, М.В. Алпатова, Г.П. Попова и др. показаны разные аспекты исихастского влияния на русскую культуру. Вывод о плодотворности исихазма в России был дан протопресвитером Иоанном Мейендорфом: «Предвозрождение было перенесено на русскую почву и тут дало – в области искусства – исключительно богатые плоды [5, с. 643].

В другом исследовании о. Иоанна подчеркивается: «...возрождение иконописи... не было бы возможно без устойчивых контактов с Горой Афон, центром исихазма, и с духовной и интеллектуальной жизнью Византии» [5, с. 42].

В житиях Феофана Грека, преподобного Андрея Рублева, Дионисия, преподобного Дионисия Глушицкого и других духовидцев иконопись предстает как особое молитвенное служение.

Искусствовед Г.В. Попов, изучая подвиг иконописания, напоминает о главных чертах духовного облика Андрея Рублева, определенных преподобным Иосифом Волоцким: «...постоянное и последовательное устремление к достижению божественной благодати, вознесение к невещественному и божественному свету, снискание божественной любви. Здесь же четко определяется и главная задача искусства, прежде всего, иконописания: „возведение чувственного

ока“ к образу должно сообщать созерцающему „божественная радость и светлости“. При всей традиционности описания молитвенного состояния Иосифом очевидна связь с духовной практикой исихазма и мистическими воззрениями на природу просветления и божественного (фаворского света) света» [7, с. 13].

Преподобный Иосиф Волоцкий в духовной грамоте «Отвещание любозорным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырях, иже в Рустей земли сущих» свидетельствует не только о значении молитвенной традиции Сергия Радонежского для иконописца, но и о возможном его знакомстве с сочинениями святителя Григория Паламы. Следует подчеркнуть, с учением об исихии Андрей Рублев наверняка был знаком по трудам более древних авторов, в частности, по келейной книге русского иночества «Лествица игумена Синайской горы Иоанна».

Духовный мир и творчество преподобного Андрея Рублева развивались в окружении ближайших учеников преподобного Сергия Радонежского (не исключено и его непосредственное общение со святым старцем), в контактах с митрополией в периоды первосвятительского служения исихастов Киприана и Фотия, в сотрудничестве с Феофаном Греком. Возможно, иконописец как монах ставропигиального Симонова монастыря ездил в Византию. Иконы Андрея Рублева насыщены богословскими интуициями.

Раскрывая влияние исихазма на творческий путь Дионисия, Н.К. Голейзовский писал: «В интерпретации Дионисия обожение сопровождается существенным изменением свойств материальной субстанции, ее полным одухотворением. Если феофановские ангелы резко отличаются от людей, то Дионисий наделяет человека „души ангельским движением богоподвижным“. Одухотворенные дионисиевские фигуры людей подобны ангелам. Как и преподобный Нил Сорский, Дионисий утверждает реальную возможность беспредельного духовного возрастания человека, его способность преодолеть ограниченность земной жизни и стать „лучше и выше ангела“» [2, с. 205].

В созданном на Руси в конце XV века «Послании иконописцу» исихастское «умное делание» определяется как основа не только писания икон, но и их восприятия, как неотъемлемой части творческого процесса: «Да воздеши зрительное ума к Святей, Единосущней и Животворящей Троицы, в мысли твоей и чистом сердце твоём» [7, с. 9]. Молитвенная сосредоточенность обеспечивает глубокое восприятие иконописного творения: «Вся земная от помысла изгнаве, и злопомние, и гнев, ярость же и ненависть, и плотская вжеления, и оче к слезам понудем, и всего себе к небесе приложи» [7, с. 9].

Впитывая опыт Византии, Русь раскрывала собственные творческие силы и поднималась к вершинам духовной жизни и культуры. Одной из таких вершин в богопознании явилось русское «умозрение в красках» [9, с. 17] – творения гениальных иконописцев, которым было присуще «прозрение в запредельные сферы религиозного сознания» [3, с. 29].

Вклад Русской Церкви в богословские споры, шедшие в Византии, нашел выражение не в написании трактатов, а в образах русской иконописи, убедительно свидетельствующих об истинности исихастского учения.

«Икона – явление той самой благодатной силы, которая некогда спасла Россию. В дни великой разрухи и опасности преподобный Сергий собрал Россию вокруг воздвигнутого им в пустыне собора Святой Троицы... Андрей Рублев огненными штрихами начертал образ триединства, вокруг которого должна собраться и объединиться вселенная», – этими словами завершается очерк князя Евгения Трубецкого «Россия в ее иконе» [9, с. 100].

И ныне мы обращаемся к светоносному наследию Русского Возрождения XIV–XV веков как животворному источнику духовных сил для несокрушимого стояния в Вере.

Литература

1. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Святой Дух совершенствует все творение Божие. // Журнал Московской Патриархии. – 2017. – № 6. – С. 16–17.
2. Голейзовский, Н.К. Исихазм и русская живопись XIV–XV вв. // Византийский Временник. Т. 29 – М. : Наука. – 1968. – С. 196–210.
3. Зеньковский, В.В. История русской философии. / В.В. Зеньковский. – Харьков : Фолио ; М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 896 с.
4. Кузахметов, Р.К. Православные монастыри и монашество как цивилизационно-образующий феномен русской истории в X–XVII веках // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2014. – Вып. 2 (2). – С. 41–52.
5. Лихачев, Д.С. Предвозрождение на Руси в конце XIV – первой половине XV вв. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. – М. : Наука, 1967. – С. 136–182.
6. Мейендорф, И., протопр. Пасхальная тайна : Статьи по богословию / протопресвитер Иоанн Мейендорф. – М. : Эксмо : Православ. Св.-Тихонов гуманитар. ун-т, 2013. – 832 с.
7. Попов, Г.В. Андрей Рублев. / Г.В. Попов. – М. : Изд-во АРТ-РОДНИК, 2008. – 72 с.
8. Попов, Г.В. Дионисий. / Г.В. Попов. – М. : Изд-во АРТ-РОДНИК, 2002. – 72 с.
9. Трубецкой, Е.Н. Россия в ее иконе. Три очерка о русской иконе. Е.Н. Трубецкой. – Новосибирск: Изд-во «Сибирь XXI век». – 1991. – 112 с.
10. Флоренский, П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Жизнь и житие Сергия Радонежского. Сборник. – М. : Сов. Россия, 1991. – 368 с.

HESYCHASM AND THE RUSSIAN RENAISSANCE OF THE XIV–XV CENTURIES

Abstract: The article contains some results of the study from the perspective of Orthodox universalism of the most important pages of the history of the Russian Renaissance of the XIV–XV centuries. The significance of the monastic cloisters of Holy Russia as the most important centers of the spiritual life and culture of the Russian Middle Ages is revealed.

The article presents the experience of generalizing research searches on the topic, the mastery of which allows us to give answers to topical questions about the fate of Orthodox civilization and culture.

Key words: Holy Russia, Byzantium, hesychasm, Tabor light, senility, spiritual care, basic values, deification, Renaissance.

References

1. Svjatejšij Patriarh Moskovskij i vseja Rusi Kirill. Svjatoj Duh sovershenstvuet vse tvorenie Bozhie [His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia. The Holy Spirit perfects all of God's creation]. In *Zhurnal Moskovskoj Patriarhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 2017, No. 6, pp.16–17.
2. Golejzovskij N.K. Isihazm i russkaja zhivopis' XIV–XV vv [Hesychasm and Russian painting of the XIV–XV centuries]. In *Vizantijskij Vremennik* [Byzantine Time], Vol.29. Moscow, 1968, pp. 196–210.
3. Zen'kovskij V.V. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy]. Kharkiv; Moscow, 2001, 896 p.
4. Kuzahmetov R.K. Pravoslavnye monastyri i monashestvo kak civilizacionno-obrazujushhij fenomen russkoj istorii v X–XVII [Orthodox monasteries and monasticism as a civilizational and forming phenomenon of Russian history in the X–XVII]. In *Vestnik*

Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]. 2014. Issue 2 (2). pp. 41–52.

5. Lihachev D.S. Predvozrozhdenie na Rusi v konce XIV– pervoj polovine XV vv. [Pre-birth in Russia at the end of the XIV– first half of the XV centuries]. In *Literatura jepohi Vozrozhdenija i problemy vsemirnoj literatury* [Literature of the Renaissance and problems of world literature]. Moscow, 1967, pp. 136–182.

6. Mejendorf I., protopr. Pashal'naja tajna : Stat'i po bogosloviju [The Easter Mystery : Articles on theology]. Moscow, 2013, 832 p.

7. Popov G.V. Andrej Rublev [Andrey Rublev]. Moscow, 2008, 72 p.

8. Popov G.V. Dionisij [Dionysius]. Moscow, 2002, 72 p.

9. Trubeckoj E.N. Rossija v ee ikone. Tri ocherka o ruskoj ikone [Russia in its icon. Three essays on the Russian icon]. Novosibirsk, 1991. 112 p.

10. Florenskij P.A. Troice-Sergieva Lavra i Rossija [Trinity-Sergius Lavra and Russia]. In *Zhizn' i zhitie Sergija Radonezhskogo. Sbornik* [Life and hagiography of Sergius of Radonezh. Collection]. Moscow, 1991, 368 p.